

Леонид Чекалкин

**Я
РОДИЛСЯ
в сентябре**

Книга стихотворений

Москва
Грифон
2020

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ч-37

*На обложке – горы Монголии,
родина автора...*

Вступительная статья *Александра Глазунова*,
журналиста, члена союза Писателей России

Чекалкин Л.И.

Ч-37 Я родился в сентябре. *Книга стихотворений*. М.:
Грифон, 2020. – 128 с.

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Леонид Чекалкин, 2020

«Поэтические просторы Леонида Чекалкина...»

Сегодня, 5 июля, в праздник полной Луны, я почти не спал, но плодотворно трудился. Пришла вдруг в голову мысль назвать следующий сборник стихов Лёни Чекалкина «Я родился в сентябре». Я помню, что день рождения у него 22 сентября, как и моей матери. Главное, мне самому понравилась эта идея, суть которой в том, чтобы поэт в своих стихах обрисовал всю красоту природы в сентябре, открывая читателю как бы своё озарение, что приметы сентября, то есть то, что свойственно только этому месяцу, вдруг отразилось, стало как бы характерными качествами самого поэта. И то, что именно в сентябре природа расцветает поразительными красками, она вовсе не увядает, а в счастливом великолепии просто переходит в иное состояние. Как и поэт однажды вдруг замечает коренные изменения в своём творчестве, насыщая его разноцветьем своего внутреннего духовного мира, открывая его читателю и тем самым делясь с ним своими чувствами, переживаниями, впечатлениями и непрерывными думами о будущем и более совершенном. И стихи его выражают те оттенки сентября, которые и в нём самом что-то изменили, сделали его лучше. Ведь талант поэта – это ни много ни мало как дар Божий, и в благодарность за то, что он творчески жив в таком преклонном возрасте, именно его долг

перед читателями предоставляет ему такую возможность сделать им ответный дар – раскрыть свою душу в слиянии с природой в день его 80-летия. То есть, не ждать подарков и хвалебных отзывов о своём творчестве, а наоборот – дарить читателю самое драгоценное, что у него есть – стихи. Поэтому «Я родился в сентябре» – это должна быть жизнеутверждающая книга, полная жизненного восторга, доброты и душевного тепла. «Мощь в Адамовом ребре – Я родился в сентябре», «и в Божественной игре – я родился в сентябре» – и т.д., и т.п. Здесь простор для поэтического таланта.

Александр Глазунов

*Серьёзный возраст накопил,
Трудясь и празднуя,
Стихов немало наплодил
В разделе: Разное.
И разобрался, что к чему,
Поверил божьему,
Мне стало проще самому
Отринуть ложное.
Перед лицом былых потерь
Поверил встречному,
И отыскал простую дверь
С табличкой: Вечное.*

ДИТЯ ВОЙНЫ

В этот мир в ранний час
Я пришёл по лучу,
Что проник сквозь
Осколком пробитую крышу.
Неприменно узнаю
То, что знать захочу,
А услышу лишь то,
Что реально слышу.
Я пришёл в этот мир,
Чтоб улучшить его.
Все подробности жизни
Для жизни – приемлю.
А ценю от рожденья
Превыше всего
Солнца свет,
Согревающий небо и землю.

НОША СЧАСТЬЯ

Своим рождением я обязан смерти
Родной сестры в далёкой стороне.
До той земли немало километров –
Там довелось на свет явиться мне.
И, видно, скорбь по первому младенцу
В меня с рожденья перешла,
И оттого болит и ноет сердце,
И ноша счастья – тяжела.

ДЕД

С трудом я представляю обиход –
Весь быт его – простой и сложный.
И вижу странный пароход,
Идущий от земли острожной.
И за кормой струится след
С бегущей к берегу волною...
Пропал мой каторжанин-дед,
Лохматою богатый бороною.
Не мог он ведать обо мне –
Другую постигал науку,
И просто сгинул по весне,
И подарил в наследство муку –
Латать в династии пробел,
Искать, не находя, причины
Цены –
Строительства побед,
И жизни вятского мужчины.

ОТЕЦ

Это не предмет для разговора –
Осень метит мокрые кусты,
Острова Серебряного Бора
В ранний час – пусты.

Это не предмет для разговора –
Непривычно ранний листопад,
Панорама стылого простора,
Дождь, идущий невпопад.

Это не предмет для разговора –
Осень, листопад или дожди...

Вот зима начнётся скоро,
Светлые наступят дни.

Острова Серебряного Бора –
И для жизни милый край...

Есть предмет для разговора –
Никогда, отец, не умирай!

КОСЬБА

Памяти отца

Два больших генерала с утра,
Дружно косят густую траву,
А вокруг собралась детвора –
Диво дивное зрит наяву.
Свои косы умело отбив,
На газетку сложив кителя,
Генералы – в траву, как в прилив,
Любознательный люд веселя.
А старик дядя Коля – хромой
(после Курской дуги – без ноги)
Не пошёл, как обычно, домой,
Костылём отмеряя шаги,
Ему люб генеральский запал
(Память юности – вечно живёт):
– А в России народ не пропал,
Потому что – бессмертный народ.

МАТЬ

Мама стряпала лепёшки,
чтоб на краешке земли
Дети ели понемножку,
потихонечку росли.
Время душу истомило,
исковеркало нутро...
Мама яблочк засушила –
с горкой – полное ведро.
Мамы – нет, осталась память
и теперь в достатке лет
На могиле мёрзнет камень,
где отсутствует портрет.
Я лица её не помню –
время, что ли, утекло?
Всё смотрю, пейзажем полный,
в запотевшее стекло.

ДЕРЕВНЯ ЧЕКАЛКИ*

Очнулся, разбуженный болью.
А ночь в середине зимы
Богата бесснежной юдолью –
Где стелятся низко дымы
Повсюду, где топят дровами,
Тепло сохраняя домов,
Где потчуют всех пирогами,
Придя после дойки коров.
Привычна мне эта картина,
Усталость не помнит числа,
Её одолеем, вестимо,
Но только бы жизнь не ушла.
И с болью мы справимся тоже,
Вновь чай приготовив из трав.
– Хворать – это юным негоже,
Здесь скажут, тебя повстречав.
Работа теперь, как подруга, –
Не любит пустого числа,
А знанье об этом – наука,
Что в дар эту жизнь принесла.

*Вятская губерния, родина родителей

ПАМЯТИ РОДИТЕЛЕЙ

Покуда ещё живы,
Не как-то, а вдвоём.
Пока нерасторжимы –
Глядят за окоём.
Привязанность?
Усталость?
Никак не разберёшь.
Но с ними не рассталась
Привычка слушать дождь.
Стучит, стучит по крыше,
Звеня, по стёклам бьёт,
Быть может, боль утишит,
Утешит – не соврёт.

ДОЧЬ

Не поддамся боли и злословью,
Отодвину ночь –
Я люблю прощальной любовью
Маленькую дочь.
Все мои победы, пораженья –
Тлен и суета,
Если самый смысл ее рожденья –
Высота.
Если вечный праздник удивленья –
В сердце у меня.
Стужи не боюсь, оледененья –
Жарко без огня.
Приручил и стал необходимым –
Словно свет в окне.
Но ведь я когда-то стану дымом,
Дымкой при луне.
И не тает льдинка отрезвленья –
Глубоко ношу.
Наперёд у дочери прощенья –
За уход – прошу.

НОВАЯ ЛЮБОВЬ

Праздник – нечаян,
Случайны – угрозы.
Уход от печали
Подстроили грозы.
Запах озона,
И волн наступленья –
Время дозора
И стихосложенья...
Эти мгновенья –
И шелест, и волны –
Памяти звенья.
И грустно, и полно
Душу тревожу.
Но путь восхожденья
Болью стреножен
Перерожденья.

СУДЬБА МОЯ

В чистом поле – бездорожье.
Даль нетронутой лежит.
В небесах по воле божьей
Птица хищная кружит.
Налетает стылый ветер,
Угрожает слать снега.
Я – единственный на свете,
Чья судьба ещё строга?
Принимаю жизнь, как надо –
Без тоски и без нытья –
Помню праздник листопада,
Помню пенье соловья.
Ничего, что боль живая
Поселилась с давних пор,
Рана ноет, заживая,
Помнит выстрелы в упор.
Но совсем не в этом дело –
Жизнь не кончилась пока,
И явится вновь посмела
Стихотворная строка.
И не в этом дело тоже,
Жизни смысл совсем иной –
Держит путь с судьбой похожей
Мой наследник молодой.
И живёт его сестрица,
Чей характер – не по мне,
Но его не видит птица –
Занавешен свет в окне.
Дочь моя – моя кровинка,
Значит боль её – со мной,
И судьба пред ней повинна
Несгораемой виной.

СЫН

День затихает мирно, не спеша.
Листва ещё свежа, не облетела.
Моя душа невольно очерствела,
Родства не позабывшая душа.
На слабости я права не имею
(Мужчинам это право не дано).
Но сына не встречал давным-давно –
От неизбежной нежности немею.
Шепчу ему весёлые слова,
Высокие слова приберегая.
Природа наша мудрая права:
Люби детей, люби, изнемогая.
Таков закон, придуманный хитро:
Сокрыт в невзгодах шанс спасенья –
И требует отцовское нутро
Недолгого хотя бы утоленья.

ПОКА ЖИВУ

Пока живу, и чувствую, и слышу,
Как дышит лес, откуда птичий свист
Летит стремглав и задевает крышу,
Где возлежит кленовый лист.
А боль – сладка, и новое томленье
Самой души пронзает естество –
Неведомое прошлому смиренье
Дарует обретённое родство.
Я прогоняю этот зов гордыни
При власти жёсткой жития –
Мысль сбереженья дочери и сына
Не покидает никогда меня.

МОЛИТВА

О Господи мой, милосердный!
Ты знаешь, как я одинок
В стремлении трудном, но верном
Вести по просторам челнок,
В небесное верить молчанье,
И слышать дыхание волн,
Любое иное звучанье
Существ, мой заполнивших чёлн:
Здесь место – и птичьему пенью,
Безмолвию рыб и звезды,
Любому другому творенью,
Кого бережёшь от беды.
О Господи, дай же мне силы,
Не дай затеряться во мгле,
Чтоб виделось небо России,
Пока я живу на земле.

ПАМЯТИ БРАТЬЕВ

Колобродит ветер зимний,
И промёрзлая листва
Шелестит неумоимо,
А понять нельзя слова.
Час призвав воображенья
В одиночестве ночном,
Можно отзвуки сраженья
Услыхать в столетье том,
Что навеки миновало,
Где случилась жизнь моя
Под волной смертельной вала
Рукотворного огня...
Как давно всё это было!
Так зачем в ночной глуши,
Слыша ветра голос стылый,
Снова память ворошить?
И уже в другом столетье,
Где всё длится жизнь моя,
Возвращаться в лихолетье,
Строки новые творя?
Те, кто помнят, – не забыли.
Кто погиб – не позабыт.
Но счастливыми все были,
Избывая боль и быт.
И покрыто время дымом,
Поздний теплится рассвет...
Братья были молодыми,
Их давно на свете нет.

РАССКАЗ БОЙЦА СПЕЦНАЗА

Впереди –

горный кряж или грязь беспризорного поля?

Очень трудно понять,

находясь пред туманной стеной.

Но приказ есть приказ –

командирская жёсткая воля –

Мы отправимся в путь, неизбывной болея виной.

Перед боем хлебнём, как лекарство от страха,

По сто грамм неизбежной спиртной чепухи,

И просохнет на теле защитного цвета рубаха,

Пока с хрустом солёным грызём из пайка сухари.

И мы вяжемся в бой, не увидев назначенной цели,

Попадём в ад крошечный, в боевой переплёт,

И, кто выживет, вспомнит, как пули свистели –

Как без усталости бил по живым, по живым пулемёт.

И кого-то заденет горячий железный осколок,

А кому-то осколок скалы так ударит под дых –

Только опыт отважных врачей и лихих медсестрёнок

Помогут бойцам оставаться в когорте живых...

Заживут потихоньку любые телесные раны,

И, возможно, вернуться к кому-то и зренью, и слуху

При условии строгом, но правильном, важном, –

Если в каждом живёт нерастраченный мужества дух.

1980, 2011 г.

ВЗРЫВ

А кто из недругов? Не ведаю:

В земной обители –

Вдруг заприметили меня,
как цель, увидели.

Взрывною силой

так ударило под дых, –

аж до сих пор захватывает

Дух...

Но эскулапы потрудились
хорошо,

И сам не струсил, видимо,

Ужо.

И с настоящим связи заново
связал,

И то, что высказать не мог, –

Сказал.

И никого за боль живую –

Не корю.

А вдохновение придёт, –

благодарю.

ОБРАЗ БЫЛОГО

Нет и нет. И быть не может
Возвращения былого.
С каждым годом – чувства строже
И мучительнее слово.
Быть не может возрожденья,
Если вижу здесь и снова
Умиранье восхищенья
Перед памятью былого.

БАБЬЕ ЛЕТО

И Бабье лето подоспело,
И возвратило часть тепла.
Ещё листва не облетела,
И многоцветье обрела.
Дожди пропали ненадолго,
И каждый день с утра
Толкуют о возврате долга
Не обозлённые ветра.
Природа словно оживает,
Короткой щедростью полна,
В истоме время замирает –
Его приемлема вина.

ПРИБЫТОК СИЛ

В час осенний, час урочный
Южный ветер полуночный
Гонит лунную волну
На печальную страну –
На песчаный берег дикий,
Где неизвестные лики
Узнавали путь земной
От одной скалы к другой,
Зримо скованных дугой,
Не начертанной рукой,
А заселенной кустами
И замеченных тропой.
Там размашисто листают
Волны искренний прибой.
В этом ритме набеганий
В час осенний, в час свиданий
Неземной прибыток сил
Свет и мир соединил.

ОСЕННЯЯ СТРАДА

Последние листья
Осенних лесов,
Здесь ветер – регистра
Предзимних басов...
Могучие звуки
Под скрипы ветвей –
Предвестье разлуки,
Последних вестей,
Где соло для скрипки –
У рощи берёз:
Кому – для улыбки,
Кому – ради слёз
Осеннего ливня,
Ночного дождя.
А время для гимна
Придёт погода.
Пока же – свирели
Округи лесной
Не помнят метели
Запев ледяной.

ГРУЗ БЕДЫ

Я иду на ощупь –
Ночь в лесу темна.
Стало бы попроще,
Появись луна?
Стало бы попроще,
Приведи тропа
На опушку-площадь
Где-то у пруда.
Стало бы полегче,
Сбрось я груз беды,
Слыша голос певчий
У хмельной воды.

ОСЕННИЙ СНЕГОПАД

Вторгшийся в эпоху листопада –
В сентябре – февральский снегопад
Побелил не облетевший сад,
Крышу дома, новую ограду.
В сентябре весь город побелил,
А его – окинь, попробуй взглядом.
Сколько же понадобилось сил,
Чтобы зимний утвердить порядок,
Чтоб запомнив листьев перезвон,
Испытавших час обледененья, –
Пережить в себе свои сомненья,
Провалиться в краткий сон?

ПРЕДЗИМНИК

Осень ранняя сюда
Подступить легко сумела.
Снова лето пролетело,
Стынет синяя вода.
Стынет чистая водица,
Льдом не скрытая пока,
И спешат в ней отразиться,
Пролетая, облака.
А проклюнется заря,
Прилетают дружно птицы,
Чтобы тут же подкрепиться
Влагой цвета янтаря.
Удивительной, живою,
А не мёртвою водой,
Чтобы зимнею порою
Легче справиться с бедой.

ВСЁ ЗНАКОМО

Зимний ветер, чую, где-то рядом,
Но пока в листве – не различим.
Лес осенний хвастает нарядом,
Безуспешно прикрываясь им.
Здесь деревья – ростом неказисты,
Приближаясь каждый раз к зиме,
Разномастно крашенные листья
Отправляют к матушке-земле.
Всё знакомо и вполне привычно
И, готовясь погрузиться в сон,
Каждое растение – самолично –
Действует со всеми в унисон.

НА СТЫКЕ ВЕКОВ

Мне сегодня трудней, чем вчера.
Не от этого ль кажется грустной
Жёстких листьев сухая игра
В яркой кроне стоустой?
Снова осень – цветная пора,
Не жалеет ни света, ни красок.
Вот и трудится честно с утра,
Понимая, что день её – краток.
Подступает лихая пора –
Холодов и метельных напастей.
Но знакома мне эта игра –
Я давно в ней активный участник.
Потому среди всех перемен,
Обозначенных временем неким...
Не страшусь ни разлук, ни измен,
Заготовленных нынешним веком.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Скудный орнамент предзимнего леса
Не привлекает к себе интереса...
Голые ветви, корявые сучья,
Жалкие клочья мишени паучьей;
Стынь захолустья, припасы молчанья,
Елей промокших немые качанья;
Бедные краски, закат, как подачка,
Звери пропали – вселенская спячка,
Время затишья земной круговерти –
Вечные признаки временной смерти.

СНОВА – ОСЕНЬ

Как быстро нынче времечко летит:
В разгаре – лето, пригляделся – осень,
И перелётных птиц живой петит
Страница неба вдаль уносит.
Летит на землю жёсткая листва,
И гнёзда проявляются бесхозно,
Перерождаются знакомые слова –
Они погоды ждут морозной.

В ОЖИДАНИИ СВИДАНИЯ

И открылось дальнейе пространство –
Листопад был сух, красив и скор.
Осени цветное постоянство
Предвещает зимний разговор.
Но пока ему не вышли сроки,
А дожди не выпали совсем, –
Длятся, длятся осени уроки,
Никаких не жаждут перемен.
Бесконечно время ожидания,
И в преддверье снеговой пурги
Тороплю мгновенья до свиданья,
Вспоминаю правила игры.

НОЧЬ НА ОЗЕРЕ

Озеру полночному не спится –
Цепи у причала зазвенели,
Устремляясь в небо, полетели
Потревоженные птицы.
Я глаза зажмурю и открою,
И во всех подробностях увижу:
Подплывает горизонт всё ближе,
Исчезает тихо под горою.
И шеренгой длинною деревья
Сверху – вниз, поближе к водопою
Устремились, но в оцепененье
Замерли над каменной тропею...
Длится ночь осеннего покроя.
Озеру холодному не спится,
А вверху немые вьются птицы
И не могут обрести покоя.

ТУМАН

Осени время приходит,
Короче становятся дни.
Вновь на земле непогодит,
Тусклые светят огни.
Сил набирают туманы –
Прячут деревья внутри,
Словно скрывают обманы
В ходе азартной игры.

ОСЕНЬ

Задожди́ло. Время это –
Не безделья, не тоски.
Это – праздник для поэтов,
Для рождения строки,
Не приемлющей пороков
В ожидании снегов.
Это время – для уроков
Покровительства богов.

КОРАБЕЛЬНАЯ РОЩА

В этом крае
исконно-тверёзом
Поселиться не может беда...
Оголяются ветви берёзы,
Вот и осень приспела сюда.
Ах, теплынь – эта ранняя осень:
Снег пройдёт и дождей череда, –
По ложбинке в лощину с откоса
Пробежит торопливо вода.
Прямота корабельная сосен
Приглашает вернуться сюда –
На любые ответить вопросы,
Не боясь, что сгоришь со стыда.

НАЧАЛО

Вот и кануло в Лету ещё одно лето.
И сентябрь наступил, и неважно, какое число.
И в момент пробужденья, ещё до рассвета
Надо мною лицо моей милой взошло.
Как явление света ещё до рассвета,
Как подарок небес и безмолвный наказ...
Так когда-то родились и первые строки поэта,
И нанёс изначальный мазок богомаз.

СТАРИКИ

Не повышайте голос на меня,
Прошу, не пробуждайте лихо –
Вот лист осеннего огня
К земле слетает тихо.
Не повышайте голос никогда,
Каким бы гость ваш не был –
Приходит он порой сюда,
Чтобы послушать небо –
Увидеть повзрослевших птиц,
Услышать их святое пенье
На фоне отлетающих страниц –
Листвы в процессе их паренья.
Давайте лучше помолчим,
И вместе сэкономим мгновенья.
А возраст наш – неизлечим,
Он часто требует терпенья.

ОСЕНЬ

*Когда уронит лес последний
лист сухой...*

А. Фет

Роняет скудный лес последние листы.
И светлый лик небес нисходит с высоты.
Призывный слышен крик летящих журавлей,
И наступает миг прощания полей
С последним тёплым днём, без ветра и дождя.
Боль растворится в нём – как будто походя.
Пока же литься свет с небес не устаёт, –
Не знает сна поэт и листьям счёт ведёт.

ОСЕННЯЯ ГРОЗА

Ольге Грозной

Чистый воздух послегрозя.
Сохнет пёстрая листва
На рябине – той, чьи гроздья
Горечь влили в слова
Для короткого признанья:
Польза есть от немоты,
Сохраняющей призванья
Обретенные черты.

ПОСЛЕДНИЕ ЛИСТЬЯ

Последние листья предзимних лесов
Упали, как кисти на звуки басов.
Осенние звуки из песни ветров –
Примета разлуки без пафосных слов.
Всё сказано прежде в полночной тиши,
Где призрак надежды метался в глуши.
А память о стуже пока – не нужна:
Купается в луже беспечно луна.

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Памяти доктора Ел. Тороповой

Свет разлился по равнине,

сколько видно – далеко,

До берёзы на плотине,

где мне дышится легко.

А оттуда – дальше, дальше

по сверкающей воде –

К исчезающей без фальши

привечаемой звезде.

И обратно – по равнине,

через рощу – на шоссе,

Где поспешно тает иней,

оставляя свет в душе.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

И вот он – предел. Я все одолел расстоянья.
Оставил в минувшем огни расставанья.
Прошёл перегоны, разъезды, маршруты.
Запомнив осенней поры увяданье.
Я первому снегу назначил свиданье,
Остались до встречи желанной минуты.
Летающие листья. Последняя слякоть,
Зачем это помнит усталая память?
Зачем все подробности странные эти
В минуты последнего в жизни прощанья,
Когда вновь туманны в ночи обещанья –
Дожить, дотерпеть до грядущего лета?
И вот, все сомненья оставив в минувшем,
Я в путь устремился за светом бегущим,
И вдруг обнаружил живьём, наяву:
Пока воплощал я мечту о побеге,
Увидел – летят обновлённые снѣги,
Они предсказали: ещё поживу.

ГОРЕНЬЕ

Отлетела неспешно листва,
Обнажились кусты и деревья,
И осеннего толка слова
Народились в процессе горенья
Тех же листьев и прочей трухи
На костре, разожжённом умело, –
И похожими стали грехи
На продукт настоящего дела.

ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

Неспешно восходит светило,
Лениво плывут облака.
Запомнить всё это, вестимо,
Поможет живая строка.
Как будто бы ветер не знает,
Куда полетит и куда,
Ограды решётка резная
Покой охраняет пруда,
Безлюдье знакомой аллеи,
Притикшей воды полотно,
При солнце она посветлела,
Хоть скрыто за лесом оно.
Лишь промельк лучей меж деревьев
Ограды чугуна серебрит,
И воздух тепла и доверья
Над миром тревожно парит.

КАРТЕЧЬ

Суметь бы уберечь
и сохранить живую
Рассветную порою
услышанную речь.
И, видно, эта речь —
неведомо откуда,
Словесная картечь
невидимого чуда.
А, может, это свет,
его и слышу речь я? —
Не ведает рассвет
души Замоскворечья.
Здесь помнят этажи
иные откровенья,
Где я когда-то жил
до моего рожденья.

НАМОЛЕННОЕ МЕСТО

Высокий дух полночного томленья
Пришёл с неясной целью возрожденья.
А ночь – темна, и горизонт утерян.
Но это – не причина для истерик.
Обыкновенный, маленький обман,
Который сотворил живой туман.
Он скоро растворится понемногу,
И горизонт найдёт свою дорогу,
Займёт давно намолненное место,
И дух останется с томленьем вместе.
И, стало быть, его явление – тайна,
Упрятанная в закромах сознания.
Его-то мне и надобно сберечь,
Чтоб наполнялась мыслью речь.

ПРАЗДНИК

Копит страхи грядущая старость,
Потому не могу возратить
Прежних чувств даже малую малость —
Есть опасность легко извратить
Первозданное чувство восторга,
Порождённое тайной ничьей,
Когда полночь меня не отторгла,
Привела на прозрачный ручей.
Этот праздник случился однажды,
И его вспоминаю в тиши
Как момент утоления жажды,
Как восторг возрождения души.

В ГОРАХ КИСЛОВОДСКА

Реальности приспело откровенье,
Ночной покой простёрся далеко,
И родилось невольное сравненье –
Луна блестит, как в кринке молоко.
И мысли наступило возрожденье:
Потрачено немало нужных сил
На ожидание, предчувствие, сомненье,
Которые успел, предвосхитил.
И осознал, что ожиданье это
Оставило не горечь от стыда,
А отражённый след от света,
С которым пробуждается гряда.

ПОРА ОБНОВЛЕНЬЯ

Памяти поэта Юрия Куксова

Ночного тумана завеса
теплом напитала весну –
Очнулись все запахи леса,
наполнив собой тишину.
И горечь от лопнувших почек
я смог ощутить наяву,
Пока собиралась из строчек
строфа, восхваляя листву...
Атака зелёного шквала
предельно была хороша –
Все краски былого смешала,
и вновь народилась душа.
Так чистая мысль обновления
пронзила и душу, и лес
Согласно поре возрожденья,
даруемой волей небес.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

А если этот день – последний день земли?
Тогда и сон покажется кошунством
Хотя лучи заката низко пролегли,
Одаривая души нежным чувством.
И слышен не набат – привычный звон,
А тень от дерева – часов всемирных стрелка.
И сумрак вечера, стремящегося вон,
Как смытая со стен домов побелка.
Ущербный свет, рождая сонм теней,
Ещё ласкает глаз моих сетчатку,
Но на востоке лес уже – темней,
И площадь из теней напятила перчатку.
Дух воровской рождает страх и боль,
И двери – на засов, и тишина в квартире.
А домовой, взлетев на антресоль,
Грустит, что мало бедокурил в мире.
Как будто тайны сумрачных лесов
Вдруг стали явью, обнажив гнездовья.
И, кажется, земле теперь не до красот,
Не до любви и празднословья...
Последний день? я заглушаю боль,
Сомнение – ещё не поражение.
Летучих снов глотаю алкоголь,
И верю и не верю в возрожденье.

ПТИЧИЙ РАССВЕТ

Вот и кончились тихие ночи.
И теперь, если сон стерегу,
Среди звуков и отзвуков прочих
Слышу птиц на своём берегу.
И, внимая всем шорохам лета,
Тихим песням пернатой души,
Дожидаюсь прихода рассвета,
Возрождения безлюдной тиши.
Я во всём принимаю участие,
И спасительной мыслью согрет:
На Земле ещё может быть счастье,
Если птицы приносят рассвет.

ПРИВЕТ, НЕБЕСА

Вчера закат, окрасивший полнеба,
Напомнил первозданной красотой
Те времена, свободные от гнева,
Позволившие жить над суетой,
И наблюдать природы возрожденье –
Услышать птиц беспечных голоса,
Понять, что наше пробужденье
Приветствуют, как прежде, небеса.

СОЗЕРЦАНЬЕ

Никогда не случайны
Ни рожденье, ни смерть.
Я пришёл изначально,
Чтобы мир посмотреть.
И моё послушанье –
Только ранней весне:
Потому созерцанье
Не сгорает в огне.
Обостряется зренье,
Длится время реки,
Приносящей прозренье
В виде новой строки.

ИГРАЮТ ГРАЧИ

1

Случайные звуки играют в ночи.
Неясно – кому, я шепчу: помолчи!
Внимаю я росту бесшумной травы,
Поветриям ветра и молви молвы.
Спешу я услышать, как дышит вода,
Как в ней отразившись, сгорает звезда.

2

И снова кому-то шепчу: помолчи!
Я слушаю грай – здесь играют грачи.
А время, что было с рожденья дано,
Уходит навечно, и – настезь окно,
И воздухом звонким я жадно дышу,
И жизни у неба прошу.

СЮЖЕТ СПАСЕНИЯ

Страницы дней своих листая,
Ищу спасительный сюжет:
Пришла хвороба не простая,
А страха не было, и нет.
Хотя и боль сама живуча,
И к ней бессонница спешит,
Но от рожденья я – везучий –
С небес и помощь прилетит.
И голос разума не дремлет –
А сердце озаряет свет,
Душа моя совету внемлет,
И свой хранит секрет.

РАЗРЫВ

Эти мгновенья:
И шелест, и волны –
Памяти звенья.
И грустно, и полно
Душу тревожу.
Но час возвращенья
Вновь невозможен –
Болью стреножен
Смысл возрожденья:
Скрыто минувшее,
Новость – туманна,
В ней наихудшее –
Память обмана.

ТОЛЬКО О ГРЯДУЩЕМ

Ветер вновь позабыл о покое –
Шелестит неумолчно листва,
Это время приспело такое:
Дни свои исчерпала весна.
И привычно желанное лето
Потихоньку вступило в права,
Обновились минуты рассвета,
К возрожденью готовя слова.
Я терять не хочу ни минуты –
Сон гоню и молчанье таю.
Вот и свечи ночные задуты,
Перед вечностью тихо стою.
Испытанья предвидя и муки,
Я взираю бесстрашно туда,
Где растаяли встречи-разлуки,
И мои растворились года.
Ничего мне не нужно в минувшем,
О грядущем все мысли теперь.
И туда, как и прежде, послушно
Открывается мысленно дверь.

ТВОРЧЕСТВО

Мне с рождения подарен неброский талант,
Укрощать не умеющий зимнюю стужу.
Но он может устроить побег из палат,
Из стерильного мира – на волю, наружу
В привокзальную липкую грязь,
В суету, толчею и людскую разруху,
Где эпох нарушается хрупкая связь,
Когда дева сживает со света старуху.
Тот талант, как попытка прорваться в закат,
В стуки стыков и стоны весеннего ветра.
Где бывает гроза и ворчливый раскат,
Но затем – обретенье цветов
Первозданного спектра.

ВОЗРОЖДЕНЬЕ

Порождённый жарой сухойей
Листья сжѐг.

А примета прощанья –
Иероглифы чѐрных ветвей,
Как древний фрагмент из посланья
Раскалённых бескрайних степей.
Это ветер ускорил процесс увяданья,
Листопадную эру страстей,
И – расширил обзор созерцанья,
Чтоб свободно – без гнѐта листвы,
Еѐ шорохов, шелеста, слова –
Можно было дожидаться весны,
Возродиться из памяти снова.

СНОВА ОСЕНЬ

Прекрасные листья
Осенних лесов
похожи на кисти
на звуках басов.
И песенка ветра
Осеннего дня –
Весёлого спектра
Задела меня.
И вдруг встрепенулась,
Молчанье круша,
От спячки очнулась
Живая душа.

К НЕБЕСАМ

Прозрачная осень.
Прощания горечь
Сковала гортань,
не позволив словам
Тревожить уже
наступившую полночь,
Себя отдающую
будущим снам.
Прощальная осень.
Пора увяданья,
Листва облетает,
и новым снегам
Назначено время
земного свиданья,
И только душе –
улетать к небесам.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Зову, зову, а отклика не слышу,
И вижу, как кленовые листья
Слетают вразнобой на крышу,
Где образуют пёстрые пласты.
Зову, зову, а откликом – молчанье,
Та степень непрременной тишины,
Что наступает в мире изначально
В минуты ожидания весны.
А голоса друзей теперь не слышу,
Приспело время осени моей,
Полёта пёстрых листьев свыше,
Курлыканья прощальных журавлей.

С РОЖДЕНИЕМ РАССВЕТА

Сегодня жарко без огня.
Среди явлений прочих
Уютней солнечного дня –
Тревожный праздник ночи.
А если запалить огонь
Из высохших растений, –
Огня открытая ладонь
Легко отбросит тени...
И только успевай, пиши,
Усваивай лесные звуки,
Нюансы прочие тиши –
Предвестницы разлуки.
Полночный переплав в стихи
Заката, запахов и цвета –
Мой грех, а прочие грехи –
С рождением рассвета.

НЫНЧЕ – ВЁДРО

Осень тёплой выдалась
В нынешнем году,
Словно честно вызвалась
Одолеть беду.
И дожди не выпали –
Сухо и тепло.
Мы с тобой не вымокли,
Значит – повезло.
И сознание – ясное,
Вызвался – иди,
И живи, не празднуя
Праздники в груди.

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

Река медлительна, а берега – прекрасны,
Спокойной осени проделки – не опасны.
А листьев новый лёт преобразует вид
Открытого и чистого пространства,
Чьё ежечасно изменяется убранство,
Пока последний лист не отлетит.

ОБЛЕТАЕТ ЛИСТВА

Отлетает неспешно листва,
Обнажают все кроны деревья.
И осеннего толка слова
Оживают в процессе горенья
Тех же листьев и прочей трухи
На кострах, разожжённых умело,
Чтоб похожими стали стихи
На продукт настоящего дела.

НА ГРАНИ

На грани осени и лета,
Когда уставшая листва
Теряет чувство естества,
Летит, сорвавшись с веток,
И устремляется к земле,
И падает на крышу, –
Ты вспоминаешь обо мне,
А я всё это – слышу.
Но даже больше я скажу –
Не только слышу, – вижу:
Я с провидением дружу,
Я к избранным приближен.
Из чаши неба пригубил,
Наполненной нектаром.
И получил немало сил,
И отдаю их – даром.

В ОЖИДАНИИ СВИДАНИЯ

И открылось дальнейе пространство –
Листопад был сух, красив и скор.
Осени цветные ассонансы
Предвещают зимний разговор.
Но пока ему не вышли сроки,
А дожди не выпали совсем, –
Длятся новой осени уроки
И пока не жаждут перемен.
Бесконечно время ожиданья,
И в преддверье снеговой пурги
Тороплю мгновенья до свиданья,
Вспоминаю правила игры.

БЕЗ ПОМЕХ

Поредела листва у рябины
И как будто бы стали красней
Загустелые капли-рубины
Полновесно созревших кистей.
Эти краски рябинной породы
Не мешают увидеть вдали,
Как неспешно плывут пароходы,
Удаляясь за кромку земли.

БЕЗМОЛВИЕ

Стояла мёртвою вода,
Листва почти не шевелилась –
Наверно, с кем-нибудь беда –
Незримая – в тот час случилась.
Застыли в небе облака,
И тишина пришла такая,
Что слышу я издалека
Что говорит глухонемая.

НАБЕЛО

Распахиваю настежь дверь,
Иду учиться грамоте.
Перед лицом былых потерь
Держу их крепко в памяти.
Известно, грамоте простой,
Где слово к слову движется.
Я там устроюсь на постой,
Чтоб написалась книжица,
Пока не ведаю – о чём,
Какой в ней будет фабула.
Я к дереву прижмусь плечом
И буду думать набело.
Я знаю: времени – в обрез
И не ленюсь поэтому,
А помощь снизойдёт с небес
Согласно сну поэтову.
И мысль живая – недолга,
Но правильно построена:
Лишь кажется: она строга, –
На нежный лад настроена.
Всегда – на добрые дела,
На помыслы правдивые,
На вечный бой добра и зла,
И сны непобедимые.

ЗАКАТ

Последняя память
усталого дня:
закатное пламя –
остаток огня,
согревшего небо,
поля и леса,
где снам на потребу
живут голоса
разрозненной стаи
стремительных птиц,
чья воля святая
не знает границ.

ПОДНЕБЕСНАЯ МУЗЫКА

В глубине заповедного леса –
Перебранка невидимых птиц.
Их туманная скрыла завеса,
Раздвигавшая память границ.
Птичьи скрипы и всхлипы, и вопли
Гонят сон и торопят часы.
Хорошо б они дружно умолкли,
Не позорили тайной красы.
Хорошо б, если сердцем поэта
(Вместо свар, суеты и борьбы)
Вновь услышать всю песню рассвета
О скитаньях пернатой судьбы.
Хорошо б, если в бездну покоя,
В краткий сон провалиться сумел
И запомнил не дрязги разбоя,
А восторг поэтических дел,
Прилетавший сюда ненадолго.
Чтоб потом я узнать захотел:
Кто вчера в тёплом воздухе волглом
Поднебесную музыку пел?

НОЧНАЯ МГЛА

Учащённое дыхание. Повисла
Над городом мучительная мгла:
А жизнь моя не потеряла смысла,
Хотя казалось, что она прошла.
И сон пропал. Прореживая утро,
Уходит ночь туда, где боль была,
А мне рассвет нашёптывает мудро:
– Вновь жажда жизни ожила.

ПЕРЕЛЁТ

Ветер ставни раскрывает,
Ветка трогает стекло.
Время ночи истекает,
Вот и вовсе истекло.
Неторопко, но – светает.
Боль расслышать не даёт:
То ли птичий перелёт,
То ли вечность пролетает?

НЕ СБИТЬСЯ С ПУТИ

Хорошо бы звук набатный
(При пожарах он – родня)
Не смутил покой закатный
И не сбил с пути коня.
Хорошо бы голос зычный
Не нарушил сон полей,
Насаждая страх привычный
Перед натиском страстей.
Хорошо б звучал почаще
Колокольца нежный звук,
Пробуждая поле, чащу,
Умягчая смысл разлук.
Потому как в мире светлом
Жизнь моя спешит к концу.
В пониманье жёстком этом
Быть жестоким – не к лицу.

НАКАНУНЕ

Эта ночь позабудет себя
В бесконечном потоке ночей –
Слишком прост её дождь,
И неярки огни, и
Бесхитростен
Ветер.
Эта долгая ночь
Не оставит следа
В календарном
Потоке событий:
Нет событий и – памяти нет.
Только мерность минут,
Только странный покой,
Нисходящий с небес,
Согревает мне душу.
Длится вечная ночь,
Дождь идёт – бесконечный и тихий.
И не знает никто,
Что на завтра
Намечено утро
С приметами острой тревоги.
Сон – витает.
Но близок рассвет,
Загорается зарево боли.

НЕ ЗНАЯ ЧУВСТВА МЕСТИ

Григорию Ерёменко

Шуршат зыбучие пески,
Свои разносят вести –
Они не ведают тоски,
Не знают чувства мести.
Ни ручейка здесь, ни реки.
Лет триста или двести
Не шелестели здесь шаги
И не звучали песни.
Порою проскользнёт змея,
Легко осилив гору –
Песков сыпучих толчея
Ей оказалась впору.
Здесь ни дороги, ни тропы,
Любой бархан – дорога,
И не бывает здесь толпы,
И живности – немного...
Бредя сквозь мёртвые пески,
Припомни, честь по чести,
Глухие приступы тоски,
Слепую жажду мести,
С которыми когда-то жил,
Подспудно ненавидя
Того, кто как-то оскорбил,
Иль чем другим обидел.
Обида – вечная беда! –
Известно очень многим,
Она исчезнет без следа,
Уйдёт путём убогим.
Когда ты к тайне бытия
Приблужишься немного –
Поймёшь: всегда есть Судия,
И поклонись Богу.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

*Петру Чекалову,
профессору*

Пусть и распри – разной масти,
Я бегу от них, бегу,
Чтоб узнать иные страсти
На некошеном лугу.
Своевольно, безмятежно
Опрокинусь я в траву,
Не страдая мыслью грешной,
Вновь отправлюсь в синеву.
Там, границ не зная смерти,
Помня древние века,
По живой небесной тверди
Проплывают облака.
А едва себя набросит
Ночь на всю земную ширь,
Загорятся в небе росы,
Оживят собой пустырь,
Дом, дорогу, храм и речку –
Те, что выжить помогли...
И прозрачней станет вечность,
И понятней соль земли.

РАССВЕТ НА ОЗЕРЕ

Округа испытана грозами
и опытом прошлых снегов...
Здесь сковано зеркало озера
овалом крутых берегов.
Живёт оно жизнью спокойною –
приемлет границы оков,
Сосны отражение хвойное
и холод родных родников.
Следит, как изменчивым образом
живёт отраженье небес
С большим или маленьким облаком,
порою бывает, и – без.
Природа общается шёпотом,
поэтому, видно, не зря
Сюда прихожу я за опытом,
едва подоспеет заря.

СВЯТОЙ КОЛОДЕЦ

Писателю Виктору Пронину

Скажите мне – куда идти теперь?
Жизнь прожита, и это – не трагично,
За мной уже почти закрылась дверь,
В неё стучаться было б неприлично.
Но шёпот долетает с высоты:
– До сруба добреди колодца,
Достань из чёрной глубины воды,
Ей дай согреться под лучами солнца.
И, от банальной схоронясь беды,–
Почувствуешь, как сила прибывает,
Увидишь на земле – свои следы...
А это только у живых бывает.

ВЫСОКО

Высоко Стожары –
Прячутся в ночи.
Но смолистым жаром
Светит зев печи.
И тепло всеядно,
А сосновый дух
Действует занятно –
Обостряет слух,
Улучшает зренье,
Чтобы все могли
Чуять настроенье
Неба и земли.

ЧЁРНЫЙ ПАРУС

Чёрный парус дождя,
Появившись с нахальством невежды,
По дорогам земным уходя,
Снял с небес грозовые одежды.
И пока не зажглись фонари
В этом небе – и новом, и старом,
Он открыл панораму зари –
Пусть её полыхают пожары.

ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ

Еду с ярмарки. Путь – не пугает.
Громыкает повозка – пуста.
И на дудочке мальчик играет,
И мелодия эта – чиста.
Еду с ярмарки. Властвует лето,
До вершины ему – далеко.
А мелодия полнится светом,
И играет мальчишка – легко.
Этот звук бесконечен и звонок,
Как моя суматошная жизнь...
За повозкой бежит жеребёнок
По дороге, катящейся вниз.

ЗАХОЛУСТЬЕ

Покорился захолустью,
И на ощупь путь торю,
Вместе с собственной грустью
Жду осеннюю зарю.
Обступила плотно темень,
Поле чёрное молчит,
Уработанное теми,
Кто давно и сладко спит –
Погружённый в сновиденье,
На полатях возлежит.
Не тревожится в сомненье –
Кто же по полю кружит.
Кто поддался захолустью,
Где луны нет и огня –
Утомлённый долгой грустью,
Бранью потчует коня?

ТЕНЬ ЗВУЧАНИЯ

Я пониманья не прошу,
Но – чуточку вниманья,
Пока слова произношу
Короткого признанья.
Я ночь за таинство люблю,
За смутные виденья,
И знаки скрытные ловлю
Ночного провиденья.
Готовя будущий рассвет,
Я слышу тень звучанья.
С ней небеса уводят свет
В хранилище молчанья.
И вызволяют весь покой,
Сокрытый тем движеньем,
И затихают над строкой
С её воображеньем.

БЕСКОНЕЧНАЯ РЕКА

Пейзаж распахнутых небес
Наполнен вечной тайной,
К ней – неизбывен интерес,
К её судьбе случайной.
Здесь одиночества причал –
У тихой тёмной глади:
Она таит в себе печаль,
Как чистый лист в тетради.
И отражаются в воде,
Дрожат, волнуясь, звёзды,
Они – попутчицы в судьбе,
Жаль, появились – поздно.
Уже ниспослана строка,
В ней скрыты обещанья,
Где бесконечная река
Последнего прощанья.
А одиночество дано,
Чтоб лицезреть воочью,
Как – неизбывное – оно
Сольётся с вечной ночью.

ОСТАВАТЬСЯ ЖИВЫМ

Александр Казуре

Как смириться с насильем напасти –
С обречённостью нового дня?
Он придёт, преисполненный страсти,
Чтобы вскоре покинуть меня.
Как мне жить, если я неумело
Призываю всю память любви,
Чтобы дня бестелесное тело
Пребывало подольше в крови?
День придёт и уйдёт по закону
Для безбрежья космических тел,
Ускользнёт по закатному склону,
Даже если б остаться хотел.
Изменить невозможно порядка,
Порождённого духом святым...
Нужно жизнь отдавать без остатка,
Чтоб всегда оставаться живым.

ПОЗДНИЙ ЧАС

И легко под светом лунным
Тени длинные легли,
Стихли праздничные струны,
Затаился дух земли.
И не слышно крика, стона
Из давно забытых лет –
Я в открытый ковш ладоней
Собираю тихий свет,
Свет луны из тех столетий,
Где бывал в тревожном сне
В поздний час порою летней
При игрушечной луне...
Перепутались столетья.
Кто я? Где? – не разберу:
Так похожи ночи, ветер,
Тени длинные в бору.

ВСЁ – ЗНАКОМО

Писателю Александру Глазунову

Ничего в мире нового нет:

Те же небо и звёздная пыль,

Наступает привычно рассвет –

И колышется пыльный ковыль.

Также солнце роняет лучи,

Пробуждается заспанный бор,

И журчат беззаботно ключи,

Бесконечный ведут разговор.

Те же солнце, и небо, и лес.

Почему же в сумятице дня

Не теряется к ним интерес,

Сохраняющий жизнь для меня?

Потому что есть память и боль,

Бесконечные светят огни,

Вот и сердце неволит: изволь

Не хулить Богом данные дни.

ПТИЦЫ

Вот и сгорели
Ночные труды:
Песня свирели
И горечь беды,
Шорохи крыльев
И говор костра,
Бывшая былью
Рассвета сестра –
Песня зарницы,
Как след от грозы...
Прячутся птицы
В капле слезы.

ЧУДО

Писателю Владимиру Личутину

Ниспослан, не скован, активен
Невидимый знак ниоткуда.
Не ясно, насколько красив он,
Страшны ему боль и остуда?
В своём устремленье наивен –
Иль действие явлено мудро?
Он снег, или праздничный ливень,
Упавший разбуженным утром?
Не знаю, и знак мне неведом,
Но утро – прекрасно и влажно,
И я в мир иной не уеду,
И мне это кажется важным.
Здесь можно полночные строки,
Пришедшие вновь ниоткуда,
Принять как уступку пороку –
Умению чувствовать чудо:
Ловить в бесконечном просторе
Бесшумно летящие звуки,
Признав их началом историй,
С которыми были в разлуке.

СВЯТОЕ ДЕЛО

Охолони, остерегись до срока,
Пускай молчат до времени уста,
Пока приспела жгучая морока –
Испить росы с кленового листа,
Испить воды из кринки, из колодца,
Водицы дождевой из колеи,
Любую влагу вычерпай до донца,
Но непременно жажду утоли,
Так успокой горячее дыханье,
Чтоб зноем раскалённое сознанье
Случайно не посмело осквернить
Святое дело – правду говорить.

НЕМОТА

Из того, что было прежде,
Из того, что есть сейчас,
Обрести нельзя надежду,
Потому что день угас.
И, блуждая в тех потёмках,
Ушибаюсь о грехи,
Не могу найти котомку,
Где всегда храню стихи.

ПАМЯТЬ

Поэту Эдуарду Балашову

То, что утром мне приснилось,
Может быть, забуду к ночи.
Это царственная милость –
Забывать о лишнем прочем.
Память – штука не простая,
С ней порою плохи шутки.
Так, стихи свои верстая,
Вспоминаешь... прибаутки.
Вспоминать же лучше друга.
Он живой поэт, хороший:
Чуть задело его вьюгой,
Прихорошило порошей.
Ну а мне осталось лично,
Наклоняясь над тетрадкой,
Делать дело не логично –
Слёзы смахивать украдкой.

ЧУДО–ОЗЕРО

Прибитый ливнями и грозами
К твоей судьбе, моей беде,
Живу вблизи от чуда-озера,
Где листья мерзнут на воде.
Там у перил, на ветхой пристани,
Стою почти до темноты
И в воду вглядываюсь пристально,
В преображенные черты
Давно исчезнувшего неба,
Легко редющей листвы,
Еще не знавшей вкуса снега,
Забывшей запаха весны.
Почти невидимо течение,
Но листья сбились наугад
Туда, где свет граничит с тенью
И где господствует закат.
Грядут часы похолодания,
Возможно, будет ночь – светла...
Природа в этот час свиданья
Лелеет призраки тепла.

ЗАРЕВО РЕКИ

Сегодня я гляжу не просто в небо –
В его глаза, увиденные близь,
Негромко говорю: сегодня мне бы
Не омрачить подаренную жизнь.
Пока есть воля, я живу надеждой –
Успеть слова любви проговорить,
Доспорить с умным ли, с невеждой,
Но сохранить натянутую нить
Между мирами – близким и далёким,
Меж тем, где я теперь живу,
Где буду завтра жить – в полёте,
Который ожидаю наяву.
Он ждёт меня, и в этом я уверен.
И потому вновь небеса прошу:
Свои не закрывайте двери,
Я – на земле, но будущим дышу,
Его прохладой, праздником покоя,
Свечением неведомой строки,
Где мимо созревающего поля
Течёт неслышно зарево реки.

УХОДИТ НОЧЬ

Неспешно светает.
Молчанье таят заповедные трубы.
И шелесты леса,
И шорохи неба –
Не тают,
На крик не срываются грубый.
И слышен стремительный
Топот копыт
Неизвестного стада.
А строки – витают,
И ночь продолжает стремиться
На убыль.
И ветер сметает листву
Запустелого сада.
Пусть день будет жарким,
А губы
Хранить горечь
Ранних плодов винограда,
И будут молчанье таить
Заповедные трубы.
А строки в пространстве витать,
И мне уловить бы их надо.

ВРЕМЯ НОЧИ

А любое время ночи
Мне дороже света дня:
Образ неба – вновь порочен,
Он зависит от меня...
Как всегда при лунном свете
Серебрится ток реки...
Иногда приносит ветер
Черновик живой строки.

ПРЕДЕЛ СУДЬБЫ

Не суетливость, не поспешность –
Азарт погони за мечтой:
Постичь мифическую вечность,
Представить лик её святой.
И, зная сил своих ущербность,
И арсенал убогих прав,
Благодарю святую щедрость,
Предел судьбы своей поправ.

СЛЕДЫ

И свет, подаренный зарёю,
как тайну, – втуне не держу –
Меж небесами и землёю
всю жизнь иду по рубежу.
От неизвестности немею,
следы заметив на снегу:
Услышать Бога не умею,
увидеть Бога – не могу.
Но, строя дом или дорогу
в любом случившемся краю,
О помощи взываю к Богу,
и за неё – Его – благодарю.

БЕГ КОНЯ

Колокольца звук сердечный
Потревожил сон полей –
Он летел ко мне навстречу
Старой песни веселей.
Чувство праздника тревожит,
Как внезапный сноп огня –
Ах, таинственен и сложен
Одичалый бег коня!
Я немое восхищенье
До него предвосхитил –
Столь стремительно движенье,
Столько грации и сил!
Встречу ждал я без опаски,
Собираясь дальше жить...
Оказался конь прекрасней,
Чем я смог предположить.

НА МОСТУ

Над арками Строгинского моста,
Где фонари – сутулы, узкогруды,
Где зябко от простора и остуды –
Открылась вдруг такая высота,
Открылась вдруг такая глубина –
Не до веселья и не до улыбки:
Видна моя давнишняя вина,
Виднеются грядущие ошибки

ПОКА СОЗНАНЬЕ ЯСНО

Спасибо, небеса.
Поклон тебе, природа:
Я слышу голоса
Нагрывшего года.
И я – вооружён:
Предвиденьем приручен,
И мыслью – снаряжён,
И навыкам – обучен.
И знаю – почему
Спешу судьбе навстречу,
Поверив острому уму,
И, зная, путь – конечен.
Пусть помыслы стары,
Но всё-таки прекрасны:
Живу до той поры,
Пока сознание ясно.

ГОСПИТАЛЬНАЯ ВЕСНА

Заплутала зима, запоздала,
Но сумела душа отдохнуть.
Толчею не приемлю вокзала –
Без меня поезд тронется в путь.
Я живу, не теряя сознания,
Слышу сердцем, не верю уму...
Покоряю в душе расстоянья,
Чтобы в тягость не быть никому.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ УБОРКА

«Не приручай ручьи запрудами из рук» –
Забытая строка, из юности причуда,
Как ржавый ключ от кладовой разлук,
Где писем прах и в черепках посуда.
Пора набраться сил и вымести весь хлам,
Услышать запахи травы, воды и хлеба...
И дать простор совсем иным стихам –
Рождённым на земле, но устремлённым
в небо.

ПРОЖИТОГО ПЕРЕДЕЛ

Эта ночь полна печали,
Снов витает скрытый дух,
Будто я опять в начале,
Обращаюсь в острый слух,
Чтоб услышать шёпот листьев,
Беспричинный птичий спор,
И спокойный, чистый-чистый
Звёзд далёких разговор.
Но ведь это день вчерашний,
Прожитого передел.
А душе почти не страшно
Покидать земной предел.

ГОРДЫНЯ

Очнуться в ночи
И припомнить легко сновиденье —
Услышать ключи,
Ледяное почуяв биенье...
Рассеять туман
И, услышав само провиденье,
Отринуть обман,
Всё гнилое его откровенье...
Потом распознать
Ту скрытую эру движенья,
С которой уже не начать
Обучаться науке смиренья.

ПАМЯТЬ-ПАУК

1

Обречённая пала листва,
Беззащитными стали деревья.
Постаревшая память родства
Охраняет примеры доверья.
Слишком редко случались они
В одинаково длившихся буднях,
Освещали их скудно огни –
Свет сочится из прошлого трудно...
Острота ощущений ушла,
Лишь порой среди ночи
Невзначай промахнётся игла,
Ткань сшивавшая строчек.
Ощущение давних разлук,
Окроплённое капелькой крови,
Возвращает лишь память-паук
Из угла сиротливого крова.

2

Теперь я там, где прежде был,
И прошлое как будто не забыл.
Остались в памяти живой неброско
Пейзажа местного наброски.
Под звуки незнакомой песни
Воспоминанья выстроились тесно,
Пришли они, бесхозные, гоня
Из нового времени – меня...
Где стёрт весь жизненный удел –
Искусно обозначенный предел
В подаренной судьбе, её огне,
Где – никого, кто вспомнит обо мне.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕТО

Давай, как в прежние года
Присядем на ступеньки,
И будем слушать как вода
Бежит вдоль деревеньки.
Увидим скоро, как вдали
Сомкнутся кроны сада.
Очнутся запахи земли
В эпоху листопада.
И станут лишними слова,
И звёздный свет прольётся,
И закружится голова,
И нежность вновь очнётся.
И снизойдёт на нас покой
В часы отдохновенья –
Не передать его строкой
В минуты вдохновенья.

МЕЧТА

По рискованным тропам доверья
Я иду, не скрывая лица,
И в пути не считаю деревья –
Всё равно им не будет конца.
Отыскав среди елей опушку,
Где растёт беззаботно трава,
Как умею, поставлю избушку,
Чтоб кружилась порой голова.
Одиночества брентную долю
Пронесу, не накликав невзгод.
Укрепляя и сердце, и волю,
Оправдаю подаренный год.
Постелю аккуратно пергамент
На широком дубовом столе
И неспешно заполню стихами,
Приручив их к предутренней мгле.
И привечу родную подругу
(Ту, что дважды спасала меня),
Чтоб она осветила округу,
Не потратив на это огня.

ЗАПОВЕДНЫЕ ЛЕСА

Илье Егорычеву

Вдоль канала стоят горделиво
В разноцветном убранстве леса –
Наблюдают приливы-отливы,
Слыша птиц молодых голоса.
Как печальна пора увяданья
В заповедной, неспящей тиши!
Я хочу, чтобы память прощанья
Сохранилась в пределах души.
Эту память ничем не нарушу,
Потому что лесов красота
Вырывается светом наружу,
И листвы рассыпает цвета.
Эти краски с палитрой заката
Насаждают вселенский покой...
С ним готов улететь я куда-то –
Породниться с небесной рекой.

ЛУЧИ ЗАКАТА

Луна взошла,
легли неслышно тени,
а воздух терпким
запахом пропах
От скопища бесхозного
Растений –
Он кружит голову в садах.
И тишина,
и тонкий этот запах
так нежно душу веселят...
От солнца, убежавшего
на запад,
лучи закатные
летят, летят, летят.

НИСПОСЛАНЫЙ СВЕТ

Свет звезды нескончаемо тонок,
Прошивает бездонную высь.
И за ним, утомлённая стоном,
Устремляется поздняя мысль.
На неё даже отклик не нужен –
Мне заранее известен ответ:
Со вселенной сознание дружит,
Принимает ниспосланный свет.

ОТВАГА

Хорошо бы нынче справа
Или слева – всё равно –
Мне увидеть, как исправно
Звёзды падают на дно
Чудо-озера, чья влага
И прозрачна, и чиста,
Где закончилась отвага
С ветки павшего листа.

ПОТАЁННЫЙ ЗАКАТ

Сколько дней, сколько дел
Не хватает порой до прозренья?
Вижу – старенький сад поредел –
Глубина увеличилась зренья.
И высокие своды небес
(Свет звезды нескончаемо тонок) –
Не мешают увидеть спросонок
Вдалеке притаившийся лес.
А концерт бесконечных цикад
Ощутим, как птенец на ладони...
Одиночество правит в затоне,
Утаившем привычно закат...
Мрак ночной, поглотивший простор,
Отступил, не затронув простора...
Новый день свои тени простёр,
Чтобы нити связать разговора.

ТОЛЬКО НЕБО

Снова – ветер, свежий ветер,
ветер поутру.
Он проветрит день и вечер,
выдержит игру
Моего воображенья –
призрака любви,
Подарившей вдохновенье
и восторг в крови...
Пониманье и признанье –
снова впереди
Вместе с ясным осознаньем –
холодно в груди.
И отныне – был я, не был –
небо – высоко.
Надо мною – только небо,
больше – никого.

СТАРОСТЬ

Стук калитки,
скрежет ставен,
звон цепи.
Стон молитвы,
лепет ветра,
зов степи.
Свист метели,
скрип полозьев,
свет звезды, —
Пролетают
над сознанием,
скрыв следы...
Всё в последний раз,
как в первый.
Явственно в ночи —
Лишь сверчок,
вполне реальный,
где-то — у печи.
Зов и стоны,
скрежет, скрипы.
Блики и дымы, —
Что колышет
пламя свечки?
Зной зимы?
Боли — нет.
Но память боли —
тоже бытие?
Жизнь сама.
Но, если точно, —
зыбкий след её.

НЕ СЕТУЯ

Укрывшись тишиной
И щебетом пернатых,
Живу в лесу,
Как в собственном доме.
И если чувствую себя
Безвинно – виноватым,
Не говорю об этом
Никому,
Не жалуясь, не сетую, не плачу,
Какие слёзы, коли час пришёл –
И выпала нежданная удача –
Как будто свет мне помогает
самому.

БУКЕТ

Не день, не два,
А много дней подряд
Живу в предчувствии ухода
Туда, где облаков летит отряд
Осваивая поле небосвода.
Не год, не два –
В течение многих лет
Одолеваю
Собственные хвори –
Опасностей сухой букет,
Почти забытый
В разговоре.

КРЫЛАТАЯ ВОЛЯ

Тревожная память
усталого дня:
Закатное пламя –
остаток огня,
Согревшего небо,
поля и леса,
Где снам на потребу
живут голоса
Невидимой стаи
неведомых птиц...
Крылатая воля
не знает границ.

НОЧЬ ПОДРОБНО

В прозрачную прорву залива
Скатилось неслышно светило.
Подкрасило воду, искрясь,
С минувшим наладило связь.
И день, уходящий в преданья,
Как будто шепнул: до свиданья.
Не страшно уснуть до утра –
Приспела ночная пора,
Где звуки и ясны, и гулки
В единственном том переулке –
От кромки залива до леса,
Чьи кроны – тумана завеса.
В тумане живом поплыву,
Где быть и легко, и удобно.
И память верну наяву –
И ночь обрисую подробно.

СЛУШАЮ ПТИЦ

Отстраняюсь от будничных дел,
Обретаю мучительный опыт,
Наблюдая, как лес поредел,
Различимым становится шёпот
Птиц небесных цветного пера,
По утрам собиравшихся в стаю,
Улетавших куда-то вчера,
И пейзаж изменивших местами.
А небес голубая страница
Поражает меня чистотой –
Видно вещая птица-сестрица,
Управляет своей высотой.
И не зря мне ночами не спится,
Дремлют тихо со мной небеса...
Я пытаюсь примерно учиться –
Чутко слушаю птиц голоса.

ВДОХНОВЕНЬЕ

Вдохновенье – это трудолюбье,
Вольнодумство праздничной души,
Редкое уменье слышать трубы
Ангелов в заоблачной глуши.
Вдохновенье – это созерцанье
И уменье видеть мир иным:
Всех созвездий различать мерцанье,
Даже если зренье застит дым.
Вдохновенье – мнимая беспечность
При игре в волшебные слова,
Вдохновенье – это бесконечность
Замыслов земных и божества.

К ЗИМЕ

Короче становятся дни,
Нет и нет вдохновенья.
Звёзд скупые огни
Не снимают сомненья –
То ли ангел летит,
То ли белая птица?
Мне ещё предстоит
С этим небом сродниться.

РАКОВЫЙ ЭТАЖ

1

Скрытый облик беды.
Длится час вдохновенья.
Свет дрожащий звезды
Пробуждает сомненья.
Белый облак летит,
Белым лебедем мнится...
Верю – мне предстоит
В мир опять народиться.

2

Ни сочувствия, ни узнавания
Я не жду, эти строки сложив, –
Мне хватило вполне осознания:
После смерти остался я жив.
И, тревожный рассвет узнавая,
Напоённый закатным огнём,
Ближний мир целиком принимая,
Растворяюсь осмысленно в нём.

3

Побывав за последней чертой,
Я вернулся в свою оболочку,
Сбережённую той высотой,
Где таятся грядущие строчки.
Я вернулся в родную страну,
Пролетев неизвестные дали,
Чтобы новую встретить весну,
И припомнить начала печали.

4

Я одной озабочен юдолью
(И об этом не знает народ) –
Иногда закрывается болью
Неповинный ни в чём небосвод.
Хорошо помогает терпенье
Дождаться ухода беды,
А на помощь спешит провиденье,
На земле не оставив следы.

5

Я побывал за гранью бытия,
Где было необычно тихо.
Но вскоре Бог вернул меня
Сюда, где боль взыграла лихо.
Кошмар, сгустившийся с утра,
Приоткрывал окно в бессмертье...
За жизнь продолжилась игра
В палате за стерильной дверью.

6

Шум шоссе мешает быту
Госпитальных корпусов.
Всем ветрам они открыты,
Словно крылья парусов.
Верю – одолев болезни,
Выйду к солнцу на балкон,
Я считаю шум полезным –
Помогает выжить он.

ДОЛГОТЕРПЕНЬЕ

Вновь душе в своей неволе
Быть – не вмоготу,
Потому стремится в поле –
Скрасить немоту.
Ей воды не нужно, хлеба –
Разорвать бы клеть,
Улететь неслышно в небо,
Смерть перетерпеть.

СВЕТ

Я – не узник острожный,
Я – тот вольный поэт,
Кто поймал осторожный,
Созидающий свет.
И, наполненный светом,
Вижу вещие сны,
Где подвластно поэту
Осознание вины.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Поверил: это – не последний день,
Угроза жизни снова миновала,
Колышется моя живая тень,
Пока стою на гребне перевала.
Не отлетел и закалённый дух,
И мысль – жива, желанье – живо.
И если выбирать одно из двух,
Я выбираю, то, которое не лживо.
И обращаясь к Господу, молю:
Дай силы мне, чтобы доделать дело,
Страх одолеть у бездны на краю,
Путь до конца пройти умело.
О Господи, опять прошу тебя:
Не покидай – вновь силы покидают...
Я слышу: в небе ангелы трубят
И до утра трубить не прекращают.

В СЕНТЯБРЕ – О ВЕСНЕ

Продиктовано ночью, услышано мною –
Это было в апреле, холодной весною.
Запоздалой весной среди ночи бессонной
Таял снег, дождик шёл по наклонной
И сомненье рождал – доживём ли до мая?
Доживём, я поверил, – угрозы ломая,
Доживём, если вспомним ночные уменья –
Слёзы слизывать с губ, не стесняясь смятенья.

ПОЭТ

А другую судьбу и не требуй –
Невозможно её обрести
С дозволения высокого неба
На отмеренном небом пути.
Помолчи, не печалься, не сетуй
На итог этой жизни, изволь
Подчиниться живому рассвету,
Победившему страхи и боль.
И сегодня без крика и стога
Оцени ежедневный свой труд
И поймёшь, наконец, что ты стоишь
Перед лихом прощальных минут.
Может, так, а, возможно, иначе
Осознаешь, коль память – строга:
Если жив, то всегда ждёт удача –
Вдохновенно-живая строка

ПРЯНЫЕ ТРАВЫ

Сделался пьяным, вместе собрав
Запахи пряных утренних трав.
Тихого звона поле полно –
Ветром озона дышит оно.
Мир не нарушу трелей и трав –
Душу утешу, свободу впитав.
С памятью детства не сгинул во рву,
Выдюжит сердце – ещё поживу.

Библиография книг Чекалкина Л.И.

В коллективном сборнике «Под рубиновыми звёздами», издательство «Московский рабочий», 1979 г.

Книги стихотворений:

«Призраки тепла», изд. «Упрполиграфиздат» Мосгорисполкома, 140 с., 1990 г.

«Чёрный парус надежды», изд. «Русский раритет», г. Москва, 160 с., 2000 г.

«Тропа доверия», издательство «Инфра» г. Тула, 132 с., 2001 г.

«Чаша терпения», издательство «PER SE», г. Москва, 118 с., 2001 г.

«Квадрат» / Сборник четырёх поэтов, издательство «Радуга», 2002 г.

«Солнечное сплетение», издательство «PER SE», 224 с., 2003 г.

«Февральская страда», издательство «PER SE», 192 с., 2004 г.

«Осколки утренней зари», издательство «PER SE», 208 с., 2005 г.

«Пламень снеговой», издательство «Инфра», г. Тула, 208 с., 2005 г.

«Здравствуй, небо», изд. «Литера М», г. Рязань

«Услышанное слово», издательство «Инфра», г. Тула, 216 с., 2005 г.

«У нежности в плену», издательство «PER SE», 250 с., 2006 г.

«Память заката», издательство «PER SE», 240 с., 2006 г.

«Из тени – в свет», издательство «PER SE», 320 с., 2008 г.

«Шёпот, услышанный в шуме», издательство «PER SE», 271 с., 2009 г.

«Горница», издательство «Новый ключ», 80 с., 2009 г.

«Чаша терпения» (Второе изд. – дополненное), издательство «PER SE», 218 с., 2010 г.

«Осенняя пристань», издательство «Новый ключ», 128 с., 2010 г.

«Крылатая воля», изд. «У Никитских ворот»

«Философия боли, или грустный ангел», изд. «PER SE»

«Мартовские миражи», издательство «Грифон», 168 с., 2016 г.

«Госпитальный парк», изд. «Грифон», 150 с., 2016 г.

«У причала печали», изд. «Новый ключ», 254 с., 2017 г.

Книги избранной лирики 2006 года:

«Вопреки», 320 с.

«Ветер удачи», 146 с.

«Во имя», изд. «У Никитских ворот», 192 с.

Серия книг лирики и критики:

«Тайны белая страница», изд. «Грифон»

«Тайны новая страница», изд. «БПП»

«Тайны незабвенная страница», изд. «БПП»

Книги в издательстве «БПП»:

«Лучшее»

«И вроссыль облака»

««Пою, как умею» (три книжки под одной обложкой: «Курчатовский лес», «Пою, как умею», «Тяжёлое небо»)

«Счастье моё»

Книги 2019–2020 г. издательства «Грифон»:

«Осколки утренней зари», 2-ое изд. исправленное и дополненное

«Пламень снеговой», 2-ое изд. исправленное и дополненное

«У нежности в плену», 2-ое изд. исправленное и дополненное

«Дозор»

«Тропа доверия», 2-ое изд. исправленное и дополненное

«Услышанное слово. Восьмистишия»

«Небесный квартал» (три книжки под одной обложкой: «Сентябрь, до востребования», «Соборный ноябрь», «Щедрый декабрь»)

«Память огня»

«Я жду весну»

«На пиру у старости»

«Биография ночи»

«Незабвенное»

«Тихая заводь»

«Горный ручей»

«Колдовской посох»
«Зарево реки»
«Соловьина вольница»
«Преодолеть предел»
«Звонят мои колокола»
«Философия боли», 2-ое изд. переработанное и дополненное
«Я родился в сентябре»

Подборки стихов:

Журналы: «Советский воин», «Знамя», «Подъём», «Молодая Гвардия»

Альманахи: «Поэзия», «Нижегородцы», «Московский вестник», «Академия Поэзии», «Россия»

В газетах «Московский литератор», «Слово» и др.

Книга публицистики:

«Детство – под угрозой?», издательство «PER SE», 384 с., 2008 г.

Литературно-художественное издание

Чекалкин Леонид Иванович

Я родился в сентябре

Книга стихотворений

Вступительная статья ***Глазунова А.***

Оригинал-макет ***Миледина М.***

Корректор ***Миледина М.***

Формат 70x100/32

Грифон

125284, Москва, Хорошевское шоссе, 38

Тел. (499) 740-45-62

www.grifon-m.ru